

Россия в книге Т. Готье «Путешествие в Россию»

А. Р. ОЩЕПКОВ

(ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА)*

Анализируется образ России, созданный в путевых записках известного французского поэта и романиста Теофиля Готье, и некоторые особенности поэтики его книги «Путешествие в Россию».

Ключевые слова: Теофиль Готье, образ России.

Russia in the Th. Gautier's Book «A Trip to Russia»

A. R. OSHCHERKOV

(A. S. PUSHKIN STATE INSTITUTE OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

Abstract: In the article the image of Russia, which was created in the itinerary of the prominent French poet and novelist Theophile Gautier, and some features of the poetics of his book «A Trip to Russia» are being analyzed.

Keywords: Theophile Gautier, image of Russia.

Основным побудительным мотивом путешествия в Россию известного французского писателя и журналиста, замечательно-го поэта Теофиля Готье (1811–1872) было желание поправить свое материальное положение. В Россию он поехал, так как нуждался в деньгах и рассчитывал получить их за свои путевые заметки, которые он хотел сопроводить большим альбомом фотографий. Однако проект не состоялся: Александр II отказался субсидировать издание. Тогда Готье решил собрать свои записки и заметки в одну книгу, предварительно пообещав репортажи из России газете «Монитёр», где «Путешествие в Россию» («Voyage en Russie») и печаталось до того, как выйти в 1867 г. отдельным двухтомным изданием в парижском издательстве «Шарпантье».

В Россию Готье приезжал дважды: первый его визит продлился с октября 1858 г. по март 1859 г., затем он вернулся во Францию и в августе 1861 г. снова прибыл в Москву, откуда совершил путешествие в Нижний Новгород на знаменитую Нижегородскую ярмарку. В 1859 г. были опубликованы три раздела из предполагаемого искусствоведческого труда: «Исаакиевский собор», «Цар-

скосельский дворец» и «Арсенал в Царском Селе», однако в «Путешествие по России» в виде отдельной главы вошел только «Исаакиевский собор».

Французскому путешественнику повезло, ибо после скандальной книги маркиза де Кюстина «Россия в 1839» (1843) путь для многих иностранцев в Россию был закрыт. Готье порекомендовала князю Кушелеву-Безбородко приятельница Ш. Бодлера мадам Сабатье, уверяя, что француз, задумавший собрать материал для серии альбомов «Художественные сокровища древней и новой России», может представить нашу страну французскому читателю в выгодном свете.

Путевые заметки разделены на две неравные части: первая часть — «Зима в России», вторая — «Лето в России». Такая «сезонная» хронология конструирует (в самом общем виде) рассказ Готье о его поездке по России. При этом в оригинале описанию зимней России отведено существенно больше места, чем рассказу о России летней (из 693 страниц 604 занимает часть «Зима в России»), и это не случайно. Зима, холод, мороз, снег — это все важнейшие образные константы в том образе России, который созда-

* Ощепков Алексей Романович — кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина. Эл. адрес: aoshhepkov@yandex.ru

ет Готье. Однако оговоримся сразу, что эти константы у автора «Путешествия» не имеют отрицательных коннотаций. Россия вовсе не предстает в повествовании французского писателя как царство тьмы, мрака, лютого мороза, имплицитно соотносимых с устойчивым мифом, существовавшим в то время в западном сознании о российском варварстве.

Доминирование зимней семантики в образе России у Готье и в структуре его книги отчасти объяснил сам автор. Он признавался: «Я питаю к снегу особое пристрастие, и ничто мне так не нравится, как эта ледяная рисовая пудра, от которой светлеет темный лик земли. Эта нетронутая, девственная белизна, усыпанная, как паросский мрамор, сияющими блестками, мне нравится более, нежели богатейшая иной раз игра красок» (Готье, 1988: 338; ср. стихотворение Готье «Симфония ярко-белого»: Готье, 1989: 59).

Собственно в этом признании Готье об особой поэтической привлекательности для него снега — его угол зрения на мир (в том числе и на Россию). Автор книги выстраивает неповторимый поэтический образ, исходя из своих эстетических предпочтений. Образ России у поэта-эстета складывается главным образом под влиянием романтических идей и его теории «чистого искусства». Будучи предтечей «парнасцев», Готье проповедует идею о неразделимости идеи и формы: прекрасная форма, по мысли писателя, и есть прекрасная идея. Отсюда стремление рассказчика к безличной, объективной манере письма. Отсюда и его равнодушие к политическим аспектам российской действительности, которые весьма оживленно обсуждались в современной ему публицистике и путевых записках (памфлеты Ж. де Ланьи «Кнут и русские», Г. де Кюльтюр «Царь Николай и святая Русь», путевые заметки Ш. де Сен-Жюльена «Живописное путешествие по России», А. Дюма «Впечатления от путешествия по России» и др.). В путевых записках Готье читатель не найдет ни политики, ни оценок деятельности российских властей, ни упоминаний об отмене крепостного права, хотя его второе путешествие пришлось на

этот поворотный для россиян исторический период. Готье не воспроизводит (но и не разрушает) идеологические и политические мифы о России, созданные его предшественниками (прежде всего А. де Кюстином). Он фиксирует в своем рассказе лишь то, на что отзывался его поэтический инстинкт, его художническая восприимчивость.

Путевые заметки Готье — это поэтический «путеводитель» по России. Как любое произведение этого жанра, заметки Готье в широком смысле слова «импрессионистичны», т. е. они фиксируют лишь то, что попало в поле зрения писателя, стало частью его «ментальной карты», «воображаемой географии», и не претендуют на всеохватность, объективность и точность. Можно говорить об «импрессионистичности» этих заметок и в другом смысле: в книге описываются почти исключительно непосредственные авторские *впечатления* от России (а не пересказываются сведения, полученные из чужих источников, услышанные анекдотические истории, как это часто делали другие иностранцы, побывавшие у нас). Готье не пытается блеснуть эрудицией, демонстрируя свои познания о России, не дает никаких исторических экскурсов, справок, отсылок.

Важнейшим поэтическим «раздражителем» для Готье является снег и все, что с ним ассоциируется (белизна, чистота, сверканье льда, морозные узоры и т. д.). Он постоянно возвращается к этой теме, варьирует ее на разные лады: в русских женщинах его пленяет белизна кожи; он видит льдинки под животами лошадей во время бегов по Неве и др. Первый снег, выпавший в Санкт-Петербурге, вызывает восторг у француза, заставляет его тотчас одеться и отправиться на улицу. Рассказчик признается, что ему «очень нравилось смотреть на напудренный зимою Невский проспект в парадном зимнем костюме» (Готье, 1988: 59).

Снег, как утверждает французский романтик, приводит его к откровению о России, становится важным духовным опытом: «Никогда со времени моего прибытия в Санкт-Петербург я так отчетливо не чувствовал

России; это было как внезапное озарение, и я понял сразу многие вещи, которые до сих пор оставались для меня непонятными» (Готье, 1988: 59).

Какие истины о России прозрел повествователь под воздействием картин заснеженного Петербурга — об этом он умалчивает. Тема не находит развития, но во всем этом фрагменте важна другая поэтическая тема. Красота России для Готье в значительной степени в тех живописных эффектах, которые порождены зимой, снегом, морозом. «Представить себе невозможно, как Невский проспект выигрывал под снегом: насколько хватает глаз, эта огромная серебристая лента тянется между двойной линией домов — дворцов, особняков, церквей, покрытых слоем снега по крышам, и производит поистине волшебное впечатление. Розовые, желтые, светло-желтые, мышино-серые цвета домов в другое время года могут показаться довольно пестрыми, а покрываясь сияющими морозными нитями и блестками, становятся очень гармоничными по тону» (Готье, 1988: 59). Снег, мороз, холод, зима для Готье не являются знаком враждебности, суровости, дикости русских. «...Мороз — это наслаждение, опьянение свежестью, головокружение от снежной белизны, которое я, человек исключительно зябкий, начинаю ценить совсем как северный житель» (Готье, 1988: 82).

Готье тонко чувствует и передает поэзию русской зимы. Но эта поэзия заключается для него не в естественной красоте зимней русской природы, а в художественных ассоциациях, которые она порождает. «Зима в России обладает особой поэзией, ее суровость восполняется красотой, чрезвычайно живописными эффектами и видами» (Готье, 1988: 190). Так, снег сравнивается с «паросским мрамором», «толченым мрамором», лед — с «огромными стеклянными плитами с сапфировыми отсветами», «горным хрусталем» и алмазами (Готье, 1988: 75). Он снова и снова возвращается к живописным картинам зимы и снега, сообщая, что ему «удивительно нравятся эти позолоченные крыши,

особенно когда снег присыплет их как бы серебряными опилками и придаст им вид старого серебра с полустершейся позолотой. Они начинают играть редкими, изысканными тонами, и эффекты такого рода совершенно неизвестны в других местах» (Готье, 1988: 64). Или в другом месте: «Между пятнадцатью и двадцатью градусами мороза зима становится особенно своеобразной и поэтической. Она столь же богата эффектами, сколь богато ими самое роскошное. Но живописцы и поэты до сих пор этого не заметили» (Готье, 1988: 73).

Готье и как автор путевых заметок остается большим и оригинальным поэтом, автором «Эмалей и камей», художественное кредо которого «поменьше медитаций, празднословия, синтетических суждений; нужна только вещь, вещь и еще раз вещь» (Gautier, 1954: XLIII).

В этих словах — ключ к пониманию его эстетики вообще, но также и один из важнейших принципов конструирования образа России в частности. «Словесная живопись», характерная для манеры Готье, позволила представить Россию как зрелище, как картину, чрезвычайно пеструю и яркую. «...Я жадным взглядом смотрел на необычайное зрелище, открывавшееся моим глазам...» — пишет автор о своих первых впечатлениях от России (Готье, 1988: 25).

В связи с этим позволим себе высказать одну гипотезу. Представляется достаточно вероятным, что «Путешествие в Россию» Готье стало своеобразным полемическим откликом на книгу Анри Мериме «Один год в России» («Une année en Russie», 1847). Нам не удалось обнаружить каких-либо упоминаний у Готье имени А. Мериме, каких-либо прямых оценок его книги, однако одно существенное обстоятельство позволяет предположить, что с путевыми записками А. Мериме он был знаком. Книга Мериме, как впоследствии «Путешествие в Россию» Готье, состоит из двух частей с такими же названиями — «Зима», «Лето». Свою книгу, весьма критичную по отношению к России, Мериме посвятил А. де Кюстину. Готье не случайно

избирает такую же композицию, чтобы подчеркнуть полемический характер своих путевых заметок по отношению к публикации А. Мериме. И полемика эта носит не только и не столько политический, сколько эстетический характер. Конечно, Готье в отличие от Кюстина и Мериме смотрел на Россию гораздо более доброжелательным взглядом, но, что гораздо важнее, он смотрел на нее взглядом большого художника, а не политика, ученого или публициста.

Как отмечал Ш. Корбе, у Мериме «не было ни таланта, ни вкуса к описаниям. Все, чего он ищет, — это сущность вещей и людей... Будучи совершенно не внимательным к материальным деталям, Мериме был превосходным аналитиком нравов» (Corbet, 1967: 234). Готье в этом отношении — полная противоположность Мериме. «Три вещи нравятся мне: золото, мрамор, пурпур — блеск, твердость и колорит. Это материал, из которого созданы мои сны и построены все мои воздушные замки...» — утверждал Готье (цит. по: История..., 1956: 328), и его «сон о России» — не исключение. Неоднократно писатель обращается к описанию различных средств передвижения (карет, повозок, дрожек, саней, телег, барок, лодок и т. д.), костюмов, картин, архитектурных сооружений, предметов домашнего обихода. Причем эти картины отличаются пластической выразительностью, вниманием к материалу, из которого сделана вещь, к ее форме. Описывая дрожки, Готье отмечает изящный изгиб полосьев, фартук из лакированной кожи, сиденье, обитое сафьяном, оголовье уздечки с металлическими цепочками (Готье, 1988: 71).

Характерная черта поэтики Готье — богатая и выразительная колористическая гамма. Первое, что он замечает в Петербурге, — разноцветные купола церквей. «Золотой купол, зеленый купол — с первого знакомства Россия представала передо мною в своем характерном колорите» (Готье, 1988: 22). Купола санкт-петербургских церквей и соборов подобны «изумительной диадеме, кото-

рую когда-либо мог нести город на своем челе» (Готье, 1988: 26). Далее взгляд художника фиксирует «аметистовые тона», в которые окрашен Санкт-Петербург. Летнее небо на заходе солнца расцветивают «бесконечные оттенки оранжевого, лимонного цветов, отсветы хризопраза...» (Готье, 1988: 378). В костюме простого русского мужика взгляд Готье фиксирует розовую рубашку, штаны из синей материи. Что бы ни описывал Готье, он неизменно внимателен к цвету.

Готье в своем подходе к описанию явлений российской жизни демонстрирует прежде всего эстетический подход: речь о том угле зрения, который устанавливает путешественник в своем рассказе о России, о самой повествовательной манере писателя, о созданном им образе рассказчика. Умный, наблюдательный и доброжелательный по отношению к России, но несколько отстраненный наблюдатель, которого Россия интересуется как нечто новое, диковинное, экзотическое и дающее пищу для новых эстетических впечатлений и ощущений, этакий вояжер-дилетант, в том смысле, которое это слово приобретает в конце XIX в., — человек с тонким художественным вкусом и эстетической восприимчивостью, живо откликающийся на новые впечатления и готовый находить красоту и наслаждаться ею в самых разных ее проявлениях, — таким предстает рассказчик в «Путешествии в Россию».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Готье, Т. (1988) Путешествие в Россию. М. : Мысль.
- Готье, Т. (1989) Эмали и камеи : сборник. М. : Радуга.
- История французской литературы (1956). М. : Изд-во АН СССР. Т. II.
- Corbet, Ch. (1967) L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). P. : Didier.
- Gautier, T. (1867) Voyage en Russie : en 2 vol. P. : Charpentier.
- Gautier, T. (1954) Émaux et Camées. P. : Garnier.